

В. ХОТИНЕНКО

«Когда-то нас Лениным перекармливали. Теперь другая крайность»

Режиссер Владимир Хотиненко — о вреде забвения, жизни революционеров в эмиграции и парадоксальном пути России

Народ постарался забыть о Ленине, но делать этого ни в коем случае нельзя, убежден режиссер сериала «Демон революции» и один из главных мистиков отечественного кино Владимир Хотиненко. Человек, который перевернул мир, достоин того, чтобы попытаться его понять. Об этом народный артист России рассказал «Известиям» накануне 150-летия со дня рождения вождя мирового пролетариата.

— Помните ли вы, какой фильм о Ленине посмотрели первым?

— То есть — в детстве? Тут трудно вспомнить, картин о Ленине было много. Наверное, первым Лениным в моей жизни был Борис Шукин¹ из фильмов Михаила Ромма². Однако вот важный нюанс. Я, конечно, вполне искренне был октябренком и пионером, но пиетета перед таким кино у меня не существовало. Волновало, интересно или нет. Иначе говоря, «Седьмое путешествие Синдбада» я смотрел с большим удовольствием, чем любой фильм о Ленине.

— А потом, когда фильмы о Ленине стали глубже? В 1960–1980-е годы?

— «Шестое июля» Юлия Карасика³. Вот это уже было серьезно. Совсем другой Ленин. Юрию Каюрову⁴ удалось, не выходя за рамки общеизвестных фактов, создать принципиально новый образ. Казалось бы, пустячная деталь: Ленин достает из ящика стола браунинг. А как он уничижительно извиняется после убийства посла, и как правильно, на идеальном немецком языке! Да и сам фильм был отличным.

— После просмотра вашего «Демона революции» писали, что Ленин у вас вдохновлен образом Смоктуновского в фильме «На одной планете» Ильи Ольшвангера⁵ (1965). Это так?

— Всякий человек имеет право на свою точку зрения. У нас никаких референсов не было, мы просто отсмотрели всё, что можно было отсмотреть, прежде всего хронику. Кроме того, на площадке был специалист по пластике. Ясно, что подсознание ведет свою игру, само выуживает что-то — это касается не только режиссера, но и актеров. Для нас главным было не поддаться стереотипам, засекаать их вовремя и бороться с ними. Чтобы слово «батенька» не звучало через одно, жесты определенные не педалировались. Чтобы карикатуры не было. Всё это слишком часто использовалось, восприятие стерлось, возникло ощущение перекормленности.

Всё же возьму на себя смелость утверждать, что наш Ленин — другой, не Каюрова и не Смоктуновского. Мне кажется, нам удалось найти свежие нотки.

— В чем основная сложность создания образа Ленина, помимо стереотипов? О нем же столько всего известно, множество книг написано.

— Но их мало кто читал из современных людей. В процессе работы я обнаружил как раз неизвестность Ленина. Молодежь о нем практически ничего не знает, в школе его деятельность не изучают. Если когда-то нас Лениным перекармливали, то теперь другая крайность. Он исчез. Лежит в Мавзолее, идут обсуждения, похоронить его или нет, и физически он присутствует в нашей жизни. А метафизически отсутствует. Это проблема. Фактически, документально Ленин — один из величайших людей в истории человечества, я это говорю без всякого придыхания. Он смог перевернуть мир, не только Россию. Имена Чингисхана, Юлия Цезаря, Александра Македонского произносят с ощущением какого-то масштаба. А поле Ленина скукожилось, и я не думаю, что это правильно, тем самым мы скукоживаем целый период нашей истории, психологии. Рассказывать про Ленина сегодня — всё равно что говорить про марсианина. Для режиссера в этом есть свой плюс, можно писать портрет с чистого листа. У нас была скромная задача — обратить внимание на определенный, в какой-то степени ничтожный эпизод его жизни, предложить слегка обновленный взгляд. Вот он едет в санях с красным флажком, что выглядит нелепо, ничтожно, но именно этот человек с флажком изменит мир.

— Обращение к фигуре Ленина сразу выводит вас за пределы «ничтожного». Это и публицистика, и философия, и разговор о прошлом, настоящем и будущем России, ее пути. Как быть с этой ответственностью?

— Художник либо берет на себя ответственность, либо плюет на нее, это его выбор. Каждый его по-своему совершает. Но если это историческая фигура, да еще и такого масштаба, то я не могу сказать: дескать, как хочу, так и делаю. Я ведь прожил значительную часть жизни под большим влиянием Ленина, в поле его воздействия, сначала это было детское восприятие, потом взрослое, потом развенчание, разрушение мифа. Получается некий личный конденсат, и я старался его не растрясать. Меня не особенно волновало, будут меня хвалить или ругать, но, с другой стороны, я понимал, что ступаю на минное поле. Пройти его можно только одним способом — не стараться никому угождать. Просто высказать свою точку зрения. И так же думала вся моя группа. Это — портрет, который мы писали вместе. Не икона, не канон. Портретов Пушкина — бесчисленное множество, и ни одного похожего.

Мы старались быть смелыми, но не разнузданными. Можно ведь было снять постельную сцену Ленина с Инессой Арманд⁶, но в этом не было бы смелости. С такими блестящими актерами, как у нас, хотелось добиться куда более сильного эффекта другими способами. Взглядами, например. Далее, у нас где-то две трети сюжета основаны на воспоминаниях. Но даже свидетельства людей, которые ехали с Лениным на одном поезде, разнятся.

Но, видимо, иначе и быть не могло. Что говорить, если даже описание цвета глаз Ленина в разных источниках неодинаковое. Меня волновало то, что Ленин был и великим человеком, и в то же время некой природной функцией в определенных обстоятельствах. В Октябрьской революции у него оказалась роль, которой никто предвидеть не мог. Чем была эта революция? Мне кажется, наказанием и испытанием для России. Наша страна — явление странное, парадоксальное, невозможное с рациональной точки зрения. Откуда это невероятное пространство, зачем оно ей, почему не отняли его, хотя желающих было много? Ответ может быть только мистическим: оно нужно для чего-то другого, неведомого. И в этом пространстве Ленин был функцией, выполнить ее могла личность определенного масштаба, при этом универсальная. Троцкий⁷ был лучшим оратором, Плеханов⁸ — лучшим теоретиком: в отдельных вещах многие превосходили Ленина. Но сделал всё именно Ленин. Всё это должно было случиться, революции не могло не быть, и в этой пьесе главная роль была у него.

Меня же заинтересовало то, как он жил в эмиграции. Это большой период с множеством деталей. Дьявол кроется в деталях, и кино — искусство детали, это их роднит.

— *Что вас больше всего поразило, когда вы копали материал?*

— Довольно многое. Например, часто бывало, что Ленин с компанией катался на велосипедах где-то в горах и вдруг подбивал всю компанию отправиться за бутылочкой токайского километров за 5–10. Причем он был непьющим. Или вот эпизод, который почему-то страшно раздражает историков, он в наш сценарий не попал, к сожалению. Приехал в Женеву один иммигрант, его устроили на вокзал носильщиком с тележкой, чтобы он себе на хлеб мог заработать. Но он не знал языка и города, и Ленин взялся катать тележку вместе с ним, пока тот не выучит маршруты. Представляете картину? Тот стеснялся и переживал, а Ленин твердил: ничего, ничего, потом можете со мной заработком поделиться. А еще я вставил в фильм, как он бегал «стрелять» папиросы для тещи. Причем все эти мелочи прекрасно сочетались с теми проблемами, которые он в тот момент решал. А главным открытием для меня стало то, что Ленин любил Вагнера⁹. Они с Крупской¹⁰ специально ездили его слушать. Правда, после первого отделения обычно уходили: он сильно уставал, музыка там интенсивная очень. Мы в фильме такой эпизод с концертом специально реконструировали. А еще очень важная деталь для меня — как Ленин в полуобморочном состоянии брел за гробом Арманд. Тут объяснять ничего не надо, сразу всё ясно.

— *Что в образе Ленина не поддается художественным средствам? Какая-то неразрешимая загадка?*

— Что-то такое есть во всякой личности, которая мифологизируется. Но для меня главная загадка — и никто никогда ее не разгадает — то, как Ленин умирал. Я много думал об этом.

— *Александр Сокуров об этом снял фильм «Телец».*

— Мне он очень нравится, точный фильм, но всё равно мы не знаем про последнее мгновение Ленина. Смог ли он — не покаяться, конечно, — но понять что-то, пожалеть о чем-то из содеянного.

— *Когда готовились к съемкам, в Мавзолее ходили? Разрешения попросить или просто что-то ощутить?*

— Я никогда не был в Мавзолее. Мне куда интереснее было в Горках. Там случилась совершенно гениальная история, мы с Женей Мироновым¹¹ ей свидетели. Пришли мы в комнату, где Ленин умирал. И нам служительница музея рассказывает, будто ходят слухи, что призрак Ленина ходит где-то рядом. Конечно же, это полная ерунда, добавляет она, и тут ее окликает другая сотрудница. И эта женщина испуганно вздрагивает, прямо подпрыгивает на месте! То есть ходит тут призрак, не похоронили же по-христиански человека...

— *Если к вам завтра подойдет студент и скажет: хочу снять свой дебют про Ленина, какой практический совет дадите?*

— Мы снимали о том, из какого сора растут стихи, про мелочи. А студенту я бы сказал вот что. Пусть изучит психологию восприятия своих сверстников и снимает этот фильм для молодежи. Пусть поищет новый стиль для этого, найдет форму поострее. Может быть, стоит начать с призрака...

Беседовал Сергей Сычев

